

III.

Общественные классы. Аристократія.

Среди особенностей русской жизни, которыя постоянно отмѣчались и даже излишне подчеркивались извѣстнымъ направлениемъ исторической мысли и политики, на первомъ мѣстѣ фигурируетъ пресловутое

отсутствіе въ русскомъ обществѣ классовыхъ дѣленій. Съ теченіемъ времени эта особенность будто бы сгладилась весьма замѣтно; но тогда, въ XVI вѣкѣ, она, какъ утверждаютъ, рѣзко отличала молодое русское государство отъ Западной Европы. Но другія, чисто русскія начала общественнаго строя нетрудно, будто бы, уловить и въ настоящее время. Различія съ Европой сводятся къ слѣдующему: въ Россіи отсутствуетъ феодализмъ со всѣми его позднѣйшими порожденіями: въ ней нѣтъ ни рыцарскаго сословія, ни его пережитковъ; наконецъ, въ ней мы не найдемъ Церкви, вооруженной свѣтской властью, которой она пользуется для борьбы съ государствомъ. И всѣ эти черты, естественно, сводятся къ одному началу; оно уже указано: рѣчь идетъ объ отсутствіи въ русскомъ обществѣ классовыхъ дѣленій.

Дѣйствительность этого факта, допустимъ, не подлежитъ спору. Но самъ по себѣ такой феноменъ представляется чрезвычайно сложнымъ: нужно весьма внимательно разобраться и въ его причинахъ, и во всѣхъ его проявленіяхъ. Очевидно, что въ русскомъ обществѣ, какъ и вездѣ, имѣются богатые и бѣдные, земледѣльцы и купцы, городскіе и деревенскіе жители; все это, конечно, различные социальныя элементы. Вѣрно, впрочемъ, одно: эти элементы не успѣли сложиться здѣсь въ твердо организованныя группы. Постараемся выяснить свою мысль.

Вся жизнь Ивана Грознаго прошла въ непрерывной борьбѣ съ боярами. Несомнѣнно, это боярство представляло собою тогдашнюю аристократію. Въ русскомъ обществѣ той эпохи, кромѣ бояръ, были и другія аристократическія группы. Рядомъ съ боярствомъ стояли потомки прежнихъ удѣльныхъ князей: одни вели происхожденіе свое отъ русскаго Рюрика, другіе отъ литовца Гедимина. Первенствуя въ областномъ управленіи, они требовали для себя господствующаго положенія. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ старшей линіи той династіи, гдѣ московскій княжескій родъ являлся лишь одной изъ младшихъ вѣтвей. Кое-гдѣ держась на остаткахъ своихъ вотчинъ, они могли громко заявлять свои притязанія, и, конечно, не упускали ни малѣйшаго случая къ этому. Они пользовались извѣстными правами и привилегіями, которыя основывались на ихъ прошломъ когда-то независимыхъ государей. Разумѣется, свое положеніе они защищали самымъ ожесточеннымъ образомъ.

И, однако же, обратитесь къ *Судебнику* 1497 года—этому законодательному сборнику изданному дѣдомъ Грознаго Иваномъ III. Вы

не найдете тамъ никакого слѣда всѣхъ этихъ правъ и привилегій аристократіи. Духовенство занимаетъ особое положеніе; но, за его исключеніемъ, всѣ остальные жители государства распадутся на двѣ категоріи, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака социальныхъ дѣленій, ни одной черты, созданной различіемъ исторически опредѣлившихся положеній. Судебникъ 1497 года говоритъ о «служилыхъ» и «нелужилыхъ» людяхъ—и только! Что это значитъ? Это значитъ, что законодатель свелъ на-нѣтъ историческое прошлое: деспотически распоряжаясь покорной массой населенія, онъ спокойно раздѣлилъ его на группы, какъ нельзя лучше соотвѣтствующія новымъ потребностямъ государственнаго строя. Мы знаемъ, что это былъ за строй: я старался показать, что Москва была походной стоянкой арміи завоевателей.

Въ войскѣ нѣтъ ни князей, ни мужиковъ, ни купцовъ, ни земледѣльцевъ: тамъ лишь солдаты, дядьки и офицеры. Такое, именно, войско представляетъ собою московское общество XVI вѣка. Военноплѣнныхъ обозначаютъ очень просто: ихъ называютъ по нумерамъ, по порядку. Населеніе Московской державы живетъ въ плѣну, или, по крайней мѣрѣ, скоро станетъ военноплѣннымъ. Что такое *служилые*? Это воины, которые помогаютъ своему вождю «собирать русскую землю». Что такое *нелужилые*? Это рабочій народъ, это тѣ люди, которые кормятъ армію во время похода. Мѣсто, званіе, обязанности каждаго строжайшимъ образомъ опредѣляются росписаніемъ службы; всѣ по рядамъ!—таковъ приказъ: никакихъ аристократическихъ изытій! Въ первой категоріи служилыхъ людей находятся и бояре, и князья, и придворные чины, и важнѣйшія должностныя лица; если эти элементы и различаются между собою, то только по началу административной субординаціи.

И тутъ же, рядомъ съ ними,—низшіе служащіе военнаго и гражданскаго вѣдомства, кузнецы и пушкарі, столяры и простые воины. Переходимъ къ нелужилымъ людямъ. И въ этой категоріи безразлично смѣшиваются купцы и земледѣльцы; всѣ они подчинены одному порядку, который возлагаетъ на нихъ, прежде всего, податное бремя. Служилые перваго ранга, конечно, пользуются извѣстными преимуществами: имъ поручаются важнѣйшія должности; они владѣютъ землею; на судѣ ихъ свидѣтельству придается большее значеніе, и, въ случаѣ обиды, виновный уплачиваетъ имъ тройную пеню сравнительно съ какимъ-нибудь *дьякомъ*. Но тотъ же принципъ

таксировки чести распространяется на всѣ ранги—разумѣется, приспособляясь къ различію степеней и званій. Онъ не имѣетъ никакой связи съ соціальной структурой общества. Онъ органически сочетается съ преимуществами служебнаго положенія.

Намъ остается выяснитъ теперь, какъ удалось провести въ жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацію общественныхъ элементовъ. Правительство, очевидно, расторгало ихъ естественную связь и ставило ихъ въ совершенно произвольно создаваемые рамки; ясно, что для успѣшнаго завершенія этого процесса, соціальныя группы должны были оказаться безконечно слабо организованными. Именно, такова и была московская аристократія. И въ Московскомъ государствѣ, какъ и на Западѣ, ядро этой аристократіи составляли придворные элементы. Правда, среди специалистовъ до сихъ поръ не установилось согласія по вопросу объ этимологическомъ происхожденіи слова *бояринъ*. Одни производятъ его отъ *бой*; другіе отъ *бол*, *болій*, *болійий*. Во всякомъ случаѣ, первоначально именемъ боярь обозначались тѣ самые *дружинники* князя, которыхъ можно сопоставить съ франкскими антрустіонами, англо-саксонскими тѣнами или министеріалами феодальной Германіи. Но на Западѣ взаимоотношенія государя и его слугъ приобрѣли характеръ большей или меньшей устойчивости: они поддерживались и феодальнымъ строемъ землевладѣнія, и опредѣленнымъ различіемъ соціально-политическихъ функцій; тамъ все закрѣплялось и освящалось закономъ, обычаемъ, правами. Но въ русскомъ обществѣ, въ соотвѣтствіи съ неустойчивостью всей его исторической среды, тѣ же самыя взаимоотношенія имѣли крайне расплывчатый и неопредѣленный характеръ. Самъ князь бы въ нѣкоторомъ родѣ, кочевникомъ. Что же дружина? Она могла либо слѣдовать за нимъ, либо, если хотѣла, оставаться на мѣстѣ. Никакихъ правилъ, никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ: князь могъ свободно отослать отъ себя своихъ соратниковъ, а они—оставить его въ любую минуту. Въ 1149 году волынскій князь отправился походомъ на Кіевъ; дружина измѣнила ему въ рѣшительный моментъ, и потому онъ потерпѣлъ пораженіе. Принуждать къ соблюденію вѣрности тогда было не принято да и невозможно. Съ теченіемъ времени русская земля разбилась на множество княжествъ. Тогда бояре начали безо всякаго стѣсненія переходить отъ одного князя къ другому: иные при этомъ руководились расчетомъ, иные—собственнымъ капризомъ. При этомъ они не теряли ровно никакихъ правъ,

такъ какъ никто не считалъ подобныхъ переходовъ за измѣну. Дезертирующіе бояре сохраняли всѣ свои земельныя владѣнія и часто отдавали ихъ подъ покровительство новаго государя, котораго избирали себѣ на мѣсто прежняго. Когда Москва выступила на историческое поприще, она безъ всякихъ колебаній рѣшила воспользоваться въ своихъ интересахъ этимъ обычаемъ перехода—*отъѣзда*. Она оцѣнила въ немъ незамѣнимое орудіе политическаго объединенія; она усмотрѣла въ немъ драгоцѣнное средство вызывать разложеніе сосѣднихъ княжествъ, чтобы самой усилиться на ихъ счетъ. Ставши главнымъ центромъ національнаго притяженія, она, естественно, ничѣмъ не рисковала при такой политикѣ. Все стремилось къ Москвѣ; никому и въ голову не приходило предпочесть ей что-либо иное. Мало-по-малу восходящее солнце Москвы притянуло къ себѣ и поглотило осколки мелкихъ свѣтилъ, которыя его окружали. Такъ, изъ чужого добра, изъ того, что брошено или потеряно было другими на историческихъ путяхъ, въ рукахъ Москвы составилась на-рѣдкость податливый матеріалъ. Изъ него можно было лѣпить все, что угодно.

Тѣ элементы, которые окружали теперь московскаго государя, не были, какъ прежде, его сотоварищами: ихъ не связывали съ нимъ ни сообща перенесенныя опасности, ни вмѣстѣ одержанныя побѣды. Они были плѣнниками Москвы,—покоренными, оторванными отъ родимой почвы. Этого мало: вся аристократія новой, сѣверо-восточной Руси не имѣла въ себѣ достаточной прочности. Исключенія не составляла и та часть московской знати, что по-прежнему сидѣла на своихъ родовыхъ земляхъ. Для образованія наслѣдственной давности прошло еще слишкомъ мало времени; для пріобрѣтенія новой реальной силы у этой аристократіи не было должнаго socially политическаго основанія. Другое дѣло—феодальный строй Западной Европы. Суверенъ и сеньеръ, сеньеръ и сервы—между этими двумя плоскостями феодальныхъ взаимоотношеній существовала полная аналогія, такъ что, можно сказать, вассалитетъ и серважъ естественно дополняли другъ друга. Но въ Московскомъ государствѣ, какъ мы увидимъ, аристократія не имѣла подъ собою подобной почвы. Она терялась въ массѣ свободнаго сельскаго населенія: въ лучшемъ случаѣ оно соглашалось работать на крупныхъ землевладѣльцевъ на условіяхъ задѣльной платы, но и то безконечно торговалось и вступало въ споры. Такимъ образомъ, хозяйство аристократіи обречено было во власть случайности.

Какъ бы то ни было, Москва по - своему распоряжалась этимъ зыбкимъ элементомъ и даже сообщила ему извѣстную устойчивость въ рамкахъ вновь созданной ею, т.-е. военной, организаціи. Очевидно, для успѣшнаго выполненія этой задачи ея собственная центральная власть должна была обнаружить значительныя силу и твердость.
